

За пределами традиционного баланса сил

Силы терроризма, которые пытаются противостоять американской мощи, не интересуют межгосударственное соперничество. Они ведут игру по совершенно другим правилам | **ЛУИЗА РИЧАРДСОН**

По любым меркам Соединенные Штаты Америки — самое могущественное государство в мировой истории. Военный бюджет США на 2007 год составляет 440 млрд дол. (а если включить в него финансирование военных операций в Ираке и Афганистане, то и все 560 млрд дол.). Эта сумма превышает совокупные военные расходы всего остального мира. По подсчетам Международного института стратегических исследований, в 2003-м военный бюджет Соединенных Штатов превышал общую цифру военных расходов 13 государств, следующих за ними по этому показателю, и более чем вдвое превосходил военные расходы остальных 158 стран мира, вместе взятых. Бросить вызов такой мощи не по силам ни одному государству. С точки зрения численности населения и величины валового продукта Европейский союз сопоставим с Соединенными Штатами, однако у него нет ни политической воли, ни соответствующих институтов для совместных действий в рамках оборонных и иных международных инициатив. Еще сравнительно недавно Россия считалась самым серьезным соперником США; она и сейчас располагает огромной армией, но оказалась далеко позади Америки как по

величине военных расходов, так и в развитии современных технологий. Китай, чаще других упоминаемый в качестве главного соперника Соединенных Штатов, также очень сильно (в пропорции 7:1) отстает от США по размерам военного бюджета. И хотя в настоящее время Китай превратился в мощную в экономическом отношении державу, его расходы на оборону составляют всего 3,9 проц. валового внутреннего продукта. Чтобы на равных соперничать с Америкой, ему необходимо нарастить военный бюджет до 25 проц. от ВВП.

Тем не менее, обладая столь подавляющим и исторически беспрецедентным военным превосходством, Соединенные Штаты не способны навязать свою волю нищему Афганистану, навести порядок в Ираке, раздираемом религиозными распрями, и даже покончить с организацией под названием «Аль-Каида», которой руководят всего несколько человек, скрывающихся, как считают, в пещерах в отдаленных районах Афганистана и Пакистана. Какой смысл в таком случае говорить о

ПЕРЕВОД СТАТЬИ ЛУИЗЫ РИЧАРДСОН (LOUISE RICHARDSON) «TERRORIST RIVALS», ОПУБЛИКОВАННОЙ В ЖУРНАЛЕ HARVARD INTERNATIONAL REVIEW, VOL. XXIX, NO 1 (ВЕСНА 2007) © 2007, HARVARD INTERNATIONAL RELATIONS COUNCIL, INC. ПУБЛИКУЕТСЯ С ЛЮБЕЗНОГО РАЗРЕШЕНИЯ HARVARD INTERNATIONAL REVIEW

традиционной концепции равновесия сил, если самая мощная держава на планете не может эффективно использовать свое военное превосходство для достижения поставленных целей?

Неспособность США решить свои проблемы в сфере безопасности объясняется не тем, что другие страны обладают сопоставимой или превосходящей военной мощью, — этот факт вообще невозможно объяснить, оставаясь на позициях традици-

вали друг друга соотечественники. Но столь крупных потерь от действий какого-либо враждебного государства в истории США до сих пор еще не было. По словам президента Джорджа Буша, «11 сентября изменило наш мир». Вице-президент Дик Чейни, выступая по каналу *NBC News*, конкретизировал эту мысль: «11 сентября изменило всё. Изменились наши представления об угрозах Соединенным Штатам. Изменились наши представления о нашей защищенности и уяз-

“Неспособность США решить свои проблемы в сфере безопасности вообще невозможно объяснить, оставаясь на позициях традиционной концепции баланса сил”.

онной концепции баланса сил. К тому же почти все страны, которые могли бы в той или иной мере противостоять Америке, разделяют стремление Вашингтона уничтожить «Аль-Каиду», поддерживают его усилия по возрождению Афганистана и принимают (хотя и неохотно) военную кампанию в Ираке. Причина, по которой США не удается достичь своих целей в сфере безопасности, заключается в том, что они не сумели правильно оценить природу угроз, с которыми столкнулись, и конвертировать свою военную мощь в арсенал средств, способных обеспечить эффективную защиту от этих угроз.

Неправильное использование военной силы

Никогда в истории Соединенных Штатов ни одно враждебное государство не наносило такого урона гражданскому населению страны, какой нанесла небольшая группа террористов 11 сентября 2001 года. Нападение Японии на Пёрл-Харбор унесло жизни 2 403 военнослужащих и 68 гражданских лиц. Очень много гражданского населения погибло во время Гражданской войны, когда уби-

вности. Изменилось наше понимание стратегии национальной безопасности, которая призвана обеспечить защиту американскому народу».

Однако реакция правительства США на события 11 сентября была в высшей степени традиционной: оно объявило войну. Но войну не вражескому государству, а сначала тактике терроризма, а затем, что еще более неразумно, эмоциям, лежащим в основе террора. Фактически же Соединенные Штаты развязали войну с применением обычного оружия: сперва против Афганистана, правительство которого укрывало террористов, атаковавших Нью-Йорк и Вашингтон, а потом против Ирака, руководство которого вообще не имело никакого отношения к этим террористическим актам. Подавляющее военное превосходство позволило американцам быстро и без больших потерь в живой силе свергнуть оба неудобных режима.

После событий 11 сентября прошло уже более пяти лет, но руководители «Аль-Каиды» Усама бен Ладен и Айман аль-Завахири, так же как и поддерживающий их духовный лидер талибов Мулло

Мохаммед Омар, по-прежнему на свободе. В Афганистане демократическим путем было избрано новое правительство. Однако за шесть месяцев, прошедших после начала американского вторжения в Афганистан, там было убито больше гражданских лиц, чем 11 сентября 2001-го в США, и ситуация с безопасностью значительно ухудшилась, а производство опиума продолжало расти. В Ираке погибло больше американцев, чем 11 сентября, в дополнение к этому насилие на религиозной почве унесло жизни десятков тысяч иракцев*, и страна постепенно скатывается к кровопролитной гражданской войне. Итак, Соединенные Штаты, несмотря на неоспоримое военное превосходство, не могут ни поймать своих главных врагов, ни навязать свою волю (не говоря уже о демократических принципах) несравненно более слабым государствам.

Тот факт, что, несмотря на поражение талибов, «Аль-Каида» продолжает благоденствовать, казалось, должен был убедить администрацию Буша, что опасность для США исходит не от некоего враждебного государства. Однако Вашингтон по-прежнему предпочитает объяснять живучесть бен Ладена и его команды поддержкой со стороны некоторых стран и, вопреки очевидным свидетельствам обратного, пытается обнаружить связь между Ираком и «Аль-Каидой». Между тем военная оккупация Ирака только способствует распространению воинствующего исламизма в этой стране. Подобно пьяному, который ищет ключи от машины под уличным фонарем

* На сегодняшний день имеются существенные расхождения в оценках количества жертв среди иракского населения. По данным исследования, проведенного под эгидой Всемирной организации здравоохранения (опубликованы в январе 2008 года), число иракцев, погибших насильственной смертью в период с марта 2003-го по июнь 2006 года, составило более 150 тыс. человек. — Прим. ред.

не потому, что он их там потерял, а потому, что там светлее, Соединенные Штаты применяют военную силу против Ирака и Афганистана по той простой причине, что располагают чудовищной военной мощью, а вовсе не из-за того, что военные действия — наиболее эффективное средство защиты от терроризма.

Враг нового типа

Можно с уверенностью утверждать, что угрозой для США в XXI веке является терроризм, а не какая-либо быстро усиливающаяся держава. Администрация Буша пришла к власти, будучи уверена в том, что Китай вскоре превратится в новый Советский Союз, однако вместо этого главной угрозой американскому образу жизни стал терроризм. И вот теперь начинают возрождаться стереотипы поведения, характерные для времен холодной войны. В те годы лакмусовой бумажкой, определявшей претендентов на союзнические узы с Соединенными Штатами, было отношение к коммунизму. Действительно, правительство США вступало в альянсы со многими странами, имевшими весьма сомнительную репутацию и отнюдь не преданными принципам либеральной демократии, но зато ненавидевшими коммунизм. Сегодня Вашингтон аналогичным образом готов закрывать глаза на злоупотребления режимов, согласных участвовать в войне против терроризма.

Во времена холодной войны такой подход серьезно подорвал моральный авторитет Соединенных Штатов в мире, продемонстрировав всем, что американская озабоченность правами человека и гражданскими свободами не выходит за пределы собственной территории. Этот подход также ограничивал возможности Вашингтона поддерживать тех, кто стремился к законным демократическим переменам в своих странах, и вынуждал отказываться от сотрудничества с внутренними силами в государствах, которые не

желали присоединиться ни к одной из сторон американо-советского противоборства. Сегодня эта схема поведения, похоже, повторяется. Разница, однако, в том, что в годы холодной войны с Америкой противоборствовало сильное государство-конкурент, готовое играть по правилам сдерживания и поддержания баланса сил, в то время как в наши дни у тех, кто пытается противостоять американской мощи, никакого государственного статуса нет: их не интересует межгосударственное соперничество, и они ведут игру по совершенно другим — своим собственным — правилам.

Терроризм представляет угрозу не сам по себе. Это тактика, используемая слабым противником, чтобы точными ударами мстить

Ясно, что нет способа точно определить реальную военную силу террористов и их финансовые ресурсы, но, как они сами с готовностью признают, их силы и ресурсы неизмеримо меньше, нежели у их противников. Вот слова их главного стратега Аймана аль-Завахири: «Как бы ни были велики наши возможности, они никогда не составят даже тысячную долю возможностей царства Сатаны, которое ведет войну против нас». Силу террористов невозможно объяснить, исходя из традиционных представлений о войне, — она основана на популярности их идеологии среди масс и на слепом фанатизме, который проявляется в готовности пожертвовать собственной жизнью, не считаясь с при-

“Терроризм — это тактика, используемая слабым противником, чтобы точечными ударами мстить сильному, провоцируя противника на чрезмерную реакцию”.

сильному, добиваясь тем самым славы для себя, и спровоцировать противника на чрезмерную реакцию. Такую тактику используют многочисленные группы во многих частях мира, преследующие самые разные политические цели. Соединенным Штатам сегодня угрожают вполне конкретные террористы — сторонники джихада, восстающие против распространения американской культуры во всем мире и недовольные демонстрацией американской мощи. Они полностью отвергают концепцию баланса сил, видя в ней исключительно западный продукт. Они организовались для атаки на США только после того, как, нанеся поражение Советскому Союзу в Афганистане, поняли, что, победив одну сверхдержаву, они способны победить и другую. Их конечная цель состоит в том, чтобы полностью устранить влияние Запада в своем регионе и восстановить халифат на территории, простирающейся от Испании до Индонезии.

нятыми нормами поведения: уничтожая как можно больше гражданских лиц и терроризируя всех вокруг. Как бы то ни было, сегодня граждане США чувствуют себя более уязвимыми, нежели тогда, когда на них были нацелены 10 тыс. стратегических и 30 тыс. нестратегических советских ядерных боеголовок.

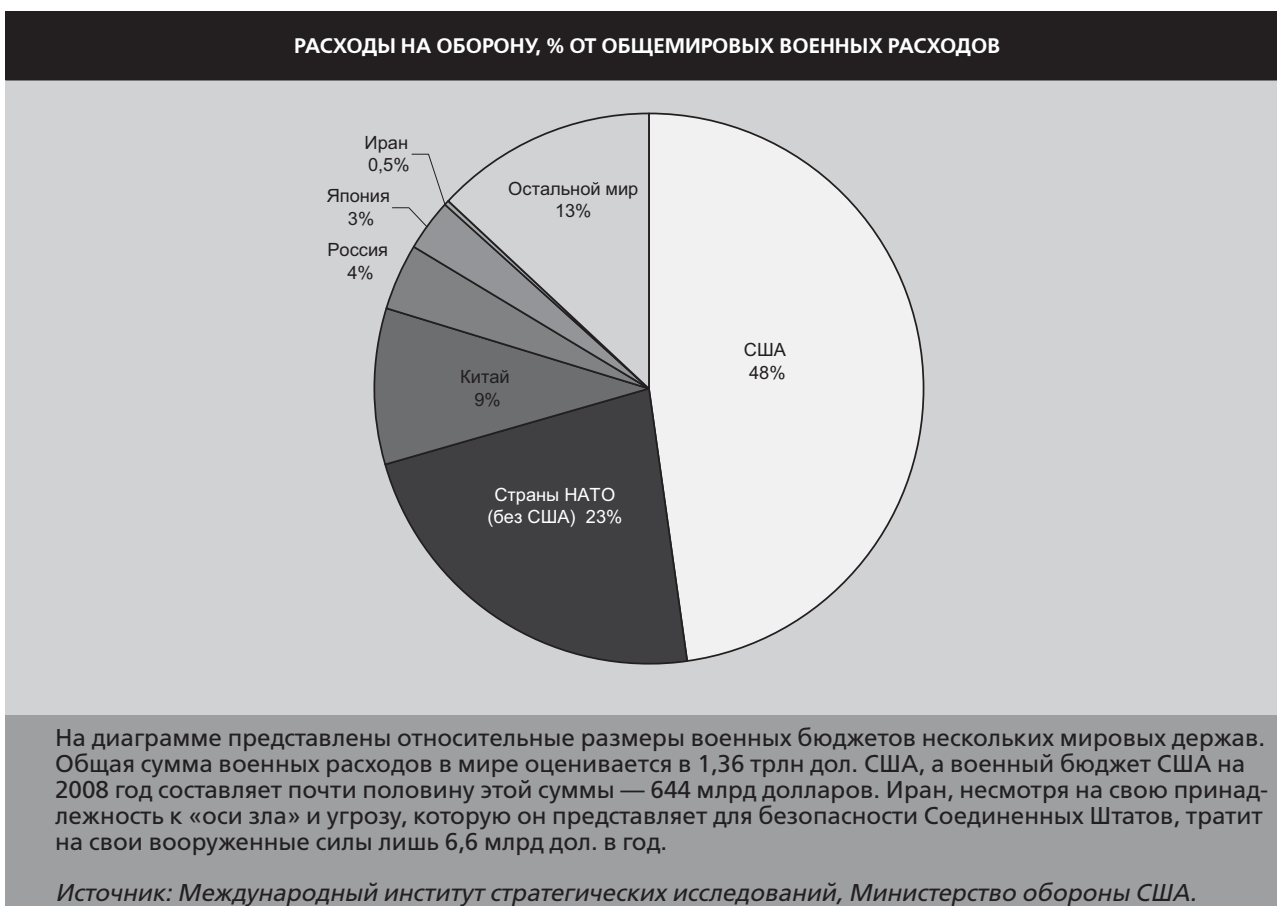
Потенциал воинствующего ислама несет с собой бóльшую угрозу для США, чем любая стремительно набирающая силу держава. И не потому, что исламистские группы могли бы бросить прямой вызов американской мощи или мобилизовать сравнимые с американскими ресурсы. Дело в том, что мусульмане составляют пятую часть всего населения мира, и если Соединенные Штаты объявят себя врагами ислама или будут действовать таким образом, что мусульмане поверят тем сравнительно немногим экстремистам в их среде, которые утверждают, будто Запад хочет воевать с исламом, то США действительно столкнутся с серьезной угрозой.

Реалистичным ответом на эту дилемму в сфере безопасности было бы формирование союзов с максимально возможным числом умеренных мусульманских государств, чтобы уравновесить влияние исламских экстремистов. Но проблема в том, что многие из умеренных мусульманских лидеров не разделяют западные ценности, не представляют в достаточной мере своих граждан или не пользуются поддержкой основной массы населения.

Проявив удивительную наивность, администрация Буша решила, что она сможет внедрить демократию на Ближнем Востоке и преобразовать этот регион по собственному образу и подобию. Предполагалось, что демократия принесет сюда процветание, стабильность, поможет развить торговлю и обезопасит поставки нефти, что пошло бы на пользу и США, и самому этому региону.

С гегемонистской точки зрения, это был совершенно рациональный способ расширить свое влияние и продемонстрировать силу, избежав при этом имперской ловушки. Беда только в том, что местные граждане часто имеют свои собственные идеи. Многие люди на Ближнем Востоке стремятся противостоять распространению американского влияния в этом регионе. Поэтому, получив право голоса, многие из них голосовали вовсе не за демократов, объясняя свой выбор тем, что избрания заслуживали другие политические силы, более активно пекущиеся о социальных нуждах населения, — такие, как ХАМАС, «Хезболла» и «Братья-мусульмане», независимо от их взглядов на демократию. И поскольку на выборах победили те, кого мы считаем врагами, американский энтузиазм в отношении демократии на Ближнем Востоке сильно потускнел.

Рис. 1

Устаревший подход

Механизм баланса сил успешно функционирует только тогда, когда действия небольшой группы лидеров, знакомых с правилами игры и отстаивающих интересы своих государств, предсказуемы и не выходят за некоторые заранее обусловленные рамки. Однако нынешние лидеры уже не обладают необходимой монополией на информацию или власть. Если Запад рассматривает глобализацию как средство, позволяющее распространить западное процветание на весь мир и стимулировать всеобщее развитие, то многим, наоборот, кажется, что богатства в мире распределены крайне несправедливо и получить доступ к ним можно, только заплатив очень высокую цену. Действительно, многие видят в глобализации не более чем современную версию американского империализма. Фотографии американских солдат, издевающихся над заключенными-мусульманами в Ираке, подрывают позиции тех национальных лидеров, которые готовы заявить, что альянс с Соединенными Штатами отвечает интересам их стран. Те же фотографии чрезвычайно осложняют попытки американского правительства убедить другие страны стать союзниками США.

Баланс сил в традиционном понимании предполагал, что государство является определяющим элементом мирового порядка. Сегодня положение изменилось, поскольку технологический прогресс позволяет все более мелким группам обзаводиться все более смертоносным оружием. Более того, эффективно используя Интернет, эти группы способны координировать свои действия поверх государственных границ, вербовать сторонников, разрабатывать планы изощренных террористических атак и обеспечивать себе поддержку по всему миру. При этом террористические группы отнюдь не заинтересованы в каком-то балансе сил или в том, чтобы превзойти военную мощь США:

их задача проста — изгнать американцев с Ближнего Востока.

То, что страна с безопасными границами, огромным ядерным арсеналом устрашения и полным отсутствием конкурентов в военной сфере чувствует себя уязвимой, ставит под сомнение всю традиционную концепцию баланса сил. Не первый раз в истории военное превосходство порождает высокомерие и спесь: так уже было, когда пятитысячный американский контингент был опрометчиво развернут в Саудовской Аравии после первой войны в Заливе, невзирая на непопулярность этой акции среди местного населения. Аналогичным просчетом стало решение о военном вторжении в Ирак, принятом администрацией Соединенных Штатов без серьезной попытки понять суть задачи, которую предстояло решить.

Итак, слабость единственной остающейся в мире сверхдержавы объясняется не мощью ее соперников, а ее собственными недостатками. По иронии судьбы, увеличивая военные расходы, США тем самым подрывают свою собственную безопасность, поскольку накачивание военного бюджета ведет к нарастанию федерального дефицита, а попытки удержать американскую экономику на плаву — соответственно, к усилению зависимости от иностранных кредиторов, особенно Китая. Кроме того, присутствие Соединенных Штатов далеко за пределами своих границ усугубляет враждебное отношение к ним. Вместе с тем уверенность в собственном военном превосходстве отвлекает внимание Вашингтона от других уязвимых точек, в частности, от чрезмерной зависимости американской экономики от иностранной нефти. Безопасность США можно было укреплять, добиваясь сплочения общества перед лицом терроризма или требуя у властей отчета о целесообразности безудержного роста расходов на оборону, но в силу особенностей электорального про-

цесса подобные попытки не имеют шансов на успех.

Принципы будущей политики

Силы, противостоящие Соединенным Штатам, вербуются, организуются и мобилируются не каким-то конкретным государством, а скорее некими неясными сетевыми структурами, которые с помощью новейших технологий распространяют идеологию, находящую отклик у многих людей. Обладая огромными богатствами, технологическими преимуществами и привлекательной национальной идеологией, США занимают уникальное положение для противодействия этой угрозе. Однако для того, чтобы такая возможность стала реальностью, необходимо взывать не только к главам других государств, но также и к их населению, в среде которого наверняка найдутся люди, готовые в будущем пополнить ряды борцов с терроризмом.

Вот шесть принципов, которыми должны руководствоваться Соединенные Штаты в своих действиях. Во-первых, необ-

ходимо поставить перед собой разумную и достижимую цель. Во-вторых, следует действовать в соответствии с американскими ценностями. В-третьих, нужно иметь как можно больше информации о противнике. В-четвертых, крайне желательно делать различие между террористами и сообществами, к которым они принадлежат. В-пятых, нужно быть готовыми привлечь других к борьбе с терроризмом. Наконец, в-шестых, требуется проявлять терпение и не упускать из виду перспективу. Такая стратегия предполагает осознание ограниченности традиционного государствоцентричного подхода и должную оценку возросшей роли субгосударственных и трансгосударственных субъектов в международных отношениях. Если американцы по-прежнему будут полагаться только на свои вооруженные силы и дипломатию, они могут оказаться совершенно не готовы противостоять противнику, который им сегодня угрожает, — противнику, играющему не по правилам и не желающему признавать никакого баланса сил.